

АБИССИНЕЦ 4

— ★ — 1889 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 4

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 4 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Арестант Громов	5
Глава 2. Пароль "Аден"	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1889. Том 4

Глава 1. Арестант Громов

Я молча смотрел на Василия Петровича Федюкова, чиновника губернской канцелярии, только что закончившего читать предписание о моем задержании. Рядом с ним стоял представитель войскового начальства — хорунжий Антон Павлович Митрофанов. Именно ему надлежало принять предписание к исполнению. В станице гражданский чиновник не мог сам распоряжаться задержанием казака. За спиной обоих ожидали два жандарма.

И часа не прошло после рукобития, а я разом превратился едва ли не в преступника. Праздничный стол еще не успели убрать, большая часть румяного каравая лежала на рушнике, а в горнице словно похолодало. Судьба опять пыталась перечеркнуть все, к чему я так долго шел.

Первым опомнился Степан Анисимович. Крестный шагнул вперед.

— Это как понимать, ваше благородие? Неужто казака по французской указке брать станете? Андрей Новую Москву защищал. Отец его, мой побратим, под французским снарядам голову сложил. Самого Андрея за храбрость отметили, а теперь в преступники записывают? Французы наших без суда в петлю сунуть собирались. Захват «Метеора» был единственным спасением от виселицы. Что хотите делайте, но крестника на расправу я не отдам.

— Вахмистр Кравцов, что вы себе позволяете? — оборвал его Овсянников. — Перед вами предписание военного губернатора, принятое к исполнению войсковым начальством. Громов обязан проследовать в Хабаровку для дознания. Ни о выдаче Франции, ни о каторге, ни о приговоре речи нет. Он подозреваемый, а не осужденный. Смуты в станице я не допущу. Любая попытка помешать исполнению предписания будет расценена как открытое неповиновение.

Атаман повернулся к хорунжему и спросил уже спокойнее:

— Каков порядок конвоирования, Антон Павлович?

— Громов задержан как подозреваемый, — ответил Митрофанов, — и самовольно покидать расположение не имеет права. До Хабаровки он будет находиться под неотлучным надзором двух жандармов.

Акулина Никитична охнула, схватилась за сердце и осела на лавку.

— Воды, живо! Расступитесь, дайте воздуху! — распорядился Юдинцев.

Он уже был рядом. Достал из саквояжа пузырек и принялся отсчитывать капли.

Пелагея Александровна шагнула к чиновнику.

— Чтобы с ним как с преступником не обращались, слышите? Не заслуживает он этого.

— Истинно так, — поддержала ее пришедшая в себя Акулина Никитична. — Он отца под теми снарядами потерял, а теперь еще сам ответ держать должен?

Я посмотрел на Сашу. Она побледнела, но держалась стойко. Только пальцы, лежавшие на коленях, крепко сцепились.

Баба Серафима одернула темный фартук:

— Раз на дознание везете, так и обращайтесь по закону. Чай, не преступник он.

Тут уже не выдержали мои друзья.

— Я с ним до Хабаровки пойду, — сказал Илья. — Он мой побратим.

— Мы всей командой за него поручимся и показания дадим, — загудели Прохор с Меренским. — Глеб Маркелович, отпустите нас с Андреем!

— Я тоже с братом поеду! — Олег ринулся вперед.

— Отставить балаган! — рявкнул Овсянников. — Если следствию понадобятся свидетели, вызовут по форме.

— Тихо, братцы. — Я поднялся из-за стола. — Глеб Маркелович прав. Поеду один. На месте разберутся, тогда уж и вернусь домой.

Иного выхода не было. Стоило крестному или друзьям перегнуть палку, дело могли обернуть бунтом или мятежом. Название само не шибко важно. Под ударом оказался бы не только я, но и дорогие мне люди.

— Оружие приготовьте к сдаче, — сказал хорунжий.

— Мой револьвер в снях.

Один из жандармов принес кобуру. Федюков, принявший на себя составление описи, вынул оружие и бегло осмотрел.

— Американский «Смит-Вессон». К французским трофеям не относится.

— Я выменял его позже у десятника Албазова. К событиям на канонерке он отношения не имеет.

— Вещественным доказательством револьвер не является, — заключил чиновник. — Но как подозреваемому брать его с собой вам не дозволено.

При Овсянникове, Митрофанове и конвойных «Смит-Вессон» передали Степану Анисимовичу на хранение.

— Нам надлежит принять, описать и опечатать французское оружие и другое имущество, относящееся к тем событиям, — продолжил Федюков.

— Все хранится в курене Кравцовых, где я живу.

Мы вышли со двора бабы Серафимы. Со мной пошли Федюков, хорунжий, Овсянников, два жандарма, Степан Анисимович, тетка Поля, Акулина Никитична и Олег. Остальным атаман велел разойтись по домам и не разводить балаган.

Я возвращался по той же улице, по которой совсем недавно шел свататься. Только теперь рядом шагал конвой. Меня не связывали и не придерживали, но намерения показывали ясно. Да и лезть в бутылку самому сейчас было не с руки.

— Чего это Андрея повели? Никак на каторгу? — донеслось из-за плетня.

В курене я открыл сундук и выложил на стол французские трофеи. Каждая вещь напоминала о тесном кубрике, ожидании петли, мокрой палубе, шторме и пятнадцати смертниках. Для чиновника это были вещественные доказательства. Для меня — нечто большее.

— Винтовка системы Кропачека, винтовка Лебеля, морской тесак, кожаный ранец, — перечислял Василий Петрович, занося все в журнал. — А револьвер системы Шамело-Дельвина?

— Обменян у десятника Албазова на «Смит-Вессон».

— Его мы тоже обязаны изъять.

— Я распоряжусь, — вмешался Овсянников. — Револьвер доставят в правление.

Федюков кивнул. Из ранца мне позволили выложить личные вещи, после чего жандармы забрали оружие.

Пелагея Александровна принесла дорожную сумку. Я сложил туда сменную рубаху, исподнее, мыло, немного денег и документы.

Акулина Никитична стала добавлять хлеб, копченое мясо, яйца и туесок с медом, никак не могла остановиться.

— Матушка, ну куда ему столько? — Тетка Поля мягко отвела ее руки и оставила лишь то, что могло пригодиться в дороге.

Под присмотром конвоя меня повели в станичное правление. У крыльца уже ждал Албазов. Он передал Шамело-Дельвина Овсянникову и молча посмотрел на меня. По лицу Дениса Палыча было видно: сказать ему хотелось всякого, но при Митрофанове он сдержался.

В кабинете изъятые внесли в протокол, я расписался в описи.

— Извольте выдать копию для рапорта в окружное правление, — потребовал Овсянников.

Федюков заполнил еще один лист и передал атаману.

Когда с формальностями закончили, меня повели к пристани. Возле небольшого парового катера уже собрались близкие. Саша пришла вместе с моими друзьями.

Я остановился в нескольких шагах от нее.

— Жди меня, Саша. Я вернусь. Все для этого сделаю.

— Я буду ждать, Андрей, — ответила она. — Береги себя. Ангела-хранителя тебе в дорогу.

Она перекрестила меня. Не заплакала и не бросилась ко мне, только крепче сжала край платка.

— И ты дурными мыслями себя не изводи.

Степан Анисимович подошел ближе.

— Если бумаги какие дадут подписывать, сперва читай внимательно. Правды не скрывай, но лишку не болтай.

— Понял, крестный.

— По первому зову в Хабаровку двину, анда, — сказал Илька, выступив из толпы.

— Держись, Абиссинец. Где наша не пропадала! — бросил Моренченко

Я поднялся на борт. Меня сразу провели в маленькую пассажирскую каюту у рубки. Формально я оставался задержанным для дознания, выйти без разрешения не мог, а у двери встал жандарм из конвоя.

Через крохотное окно я смотрел на берег. Катер дал гудок, плиты зашлепали по воде, и пристань стала отдаляться. В Лончаково оставались Саша, крестный, тетка Поля, Олег и мои друзья.

Примерно через три часа сумерки накрыли реку, берег и вода слились в одну темную стену. Катер сбавил ход. За переборкой раздался голос капитана:

— Все, ваше благородие. Дальше в темноте не пойдем.

— Как не пойдем? У меня предписание доставить подозреваемого без промедления!

— А я вам говорю: ночью идти — верная смерть. После дождей вода гуляет, фарватер меняется. Корчей и топляков с верховьев нанесло. Напоремся на бревно и пойдем ко дну вместе с вашим губернаторским предписанием. Вон огни станицы Венюковой. Там заночуем, а с рассветом двинемся дальше.

Федюков для порядка повозмущался, но спорить с капитаном не стал. Катер предупредил станицу гудком и пошел к пристани.

— Значит так, — распорядился Митрофанов, обращаясь к старшему из жандармов. — Идем к местному атаману. Громова до утра определим в холодную. Вы с Чебышевым будете меняться и охранять, а господина Федюкова пусть определяют на постой. Мне тоже найдется место при станичном правлении. Не на катере же всю ночь куковать.

— На выход, Громов.

Дверь распахнулась.

— Дозвольте сперва до ветру?

— Иди. Только без глупостей. Марин, Чебышев, за ним!

Когда мы выбрались из ивняка и направились к станичному правлению, из темноты навстречу выступили две здоровенные фигуры. Фонарь на столбе осветил знакомые лица.

— Ба! Глазам не верю! — раздался густой бас. — Никак сам Громов к нам пожаловал?

Братья Архиповы, Ермолай и Дмитрий, радостно улыбнулись, но тут же заметили жандармов с винтовками.

— Андрей, ты чего это под конвоем? — нахмурился Дмитрий.

— Назад! К задержанному не подходить! — крикнул жандарм, перехватывая берданку.

— Спокойно, братцы. — Я поднял руку. — Долго рассказывать. В Хабаровку везут на дознание.

— В Хабаровку? А сейчас куда тянут? — спросил Ермолай, глядя на конвойных.

— В холодную велено, до утра, — буркнул старший. — Отойдите, казаки. Не мешайте службе.

— В холодную? Как тата какого-нибудь? Не выйдет. Да и занята она нынче. Обождите здесь.

Ермолай развернулся и растворился в темноте.

Ждать пришлось недолго. Федюков и Митрофанов как раз подошли от катера, когда к пристани быстрым шагом направился атаман станицы Венюковой. Рядом с ним шел Ермолай.

— Здравия желаю, господа, — басовито поприветствовал прибывших атаман. — Слыхал, у вас арестант особый?

— Подозреваемый по делу государственной важности, задержанный по предписанию военного губернатора, — ответил хорунжий. — Следуем в Хабаровку. Прошу оказать содействие и предоставить помещение для содержания.

— Содействие окажем, отчего не оказать, — усмехнулся атаман в усы. — Только в холодную мы его не пустим.

— Это еще почему? Вы отказываетесь содействовать войсковому начальству? — спросил Митрофанов.

— Никак нет. Вам велено доставить его в целости. В холодной сейчас трое хунхузов, места и без того нет. Да и негоже казака с разбойниками держать. Громов для нашей станицы человек не чужой: сестру Архиповых из плена вытащил. К тому же вы сами сказали, что он пока подозреваемый. У нас постоянный двор справный. Там и вас разместим, и конвою тепло будет, и Громову отдельную комнату выделим. Поставите у двери часового, никуда он не денется.

Хорунжий помолчал и переглянулся с Федюковым.

— Извольте. Но если сбежит, ответственность разделите со мной.

— Не сбежит, — сказал Ермолай. — Казак от своих слов не бегаёт.

На постоялом дворе меня заперли в небольшой, но чистой комнате на втором этаже. У двери уселся жандарм.

Я бросил суму на кровать, снял сапоги и вытянулся поверх одеяла. Вскоре постучали. В комнату заглянул старший конвоя, а из-за его спины протиснулся Дмитрий Архипов с объемистым узлом.

— Вот, брат, держи. — Дима положил сверток на стол. — Ермолай велел передать. Тут пироги с рыбой, сало, свежий хлеб и табачок. Матушка узнала, что ты здесь, сразу собирать кинулась.

— Благодарствую. Неловко даже.

— Брось, Андрей. Ты нам сестру вернул, мы твою доброту до гроба помнить будем. Держись в Хабаровке. Там, глядишь, начальство разберется.

Он крепко пожал мне руку и вышел.

Подняли меня около пяти утра, когда над рекой еще висел серый туман. Над Уссури разнесся гудок катера, котлы уже набирали пар.

У пристани, несмотря на такую рань, стояли братья Архиповы. Рядом с ними, кутаясь в пуховую шаль, ждала Настя. Увидев меня, она робко улыбнулась и помахала рукой.

— С Богом, Андрей! — крикнул Ермолай, когда я ступил на сходни. — Ты там не плошай. На обратном пути обязательно к нам заезжай. Ждать будем!

— Заеду!

Катер дал гудок. Плицы забили по воде, перемалывая туман, и пристань Венюковой растаяла в серой дымке.

Весь день мы шли вниз по Уссури. Река ширилась, берега раздвигались, тайга тянулась по сторонам бесконечным зеленым морем. Я сидел в каюте и пытался понять, как снова влез в очередную заваруху. Поганей всего было то, что теперь здесь замешалась политика.

К вечеру вода за бортом изменила цвет. Мутные желтые буруны Уссури встретились с темной водой огромной реки.

Мы вышли в Амур.

Он поражал шириной и мощью течения. На его фоне наш катер казался щепкой. Вскоре на высоком правом берегу появились строения: сперва отдельные дома, потом добротные кирпичные здания и золотые купола церквей. У причалов теснились пароходы, баржи и плашкоуты.

Мы приближались к Хабаровке, центру Приамурского генерал-губернаторства, где решалось многое из того, что происходило на всем Дальнем Востоке империи.

Катер сбавил ход, прошел между судами и направился к пристани военного ведомства.

Оттуда меня повели пешком. Впереди шагали Федюков и хорунжий, по сторонам держались оба жандарма. По установленному порядку казака следовало поместить в холодную при Войсковом правлении. Однако Уссурийское казачье войско учредили совсем недавно, и собственной холодной при правлении оно еще не имело. Поэтому задержанных казаков временно содержали на гарнизонной гауптвахте по соглашению с военным начальством.

Городская жизнь разительно отличалась от станичной. Колеса пролеток и телег вязли в раскисшей глине. Вдоль домов тянулись дощатые мостки. Мимо сновали мастеровые, офицеры вели дам, стараясь не забрызгать платья.

На меня, шагающего с жандармами, оборачивались. Одни шептались, другие поспешно отводили глаза. После Лончаково город казался огромным, шумным и совершенно чужим. Там меня знали по имени, а здесь видели перед собой лишь арестанта.

Вскоре мы подошли к мрачному зданию из темного кирпича за высоким забором. Это была гарнизонная гауптвахта на Военной горе.

В дежурной Федюков положил перед офицером бумаги и опечатанный ранец с оружием.

— Задержанный Громов доставлен согласно предписанию. Вот опись изъятого. Оружие и вещественные доказательства передаю под вашу расписку.

Пожилый поручик с равнодушным взглядом сверил печати, пересчитал узлы на бечевах и расписался в журнале.

— Принять подследственного. В третью одиночную.

— Позвольте, господин поручик. Какого подследственного? В предписании сказано: подозреваемый, доставленный для дознания.

Поручик даже глаз не поднял.

— На гауптвахте все равны. Увести.

Меня обыскали, забрали портупею. Дорожную суму с харчами тоже изъяли, оставив лишь сменное исподнее. Затем повели по коридору, где шаги гулко отдавались от низкого потолка.

Камера оказалась узкой, шага три в длину. Крошечное зарешеченное оконце под самым потолком впускало бледный свет. Вдоль стены темнел сколоченный из плах топчан, в углу стоял деревянный ушат.

Лязгнул засов, провернулся ключ и я остался один.

Примерно через два часа за дверью послышались шаги. Меня вывели, подняли на второй этаж и подтолкнули в кабинет следователя.

За массивным дубовым столом сидел человек в гражданском мундире Министерства юстиции, с петлицами коллежского асессора. Узкое лицо, аккуратная бородка, пронзительные голубые глаза. Перед ним лежала толстая папка.

— Присаживайтесь, Громов. — Он указал на стул. — Судебный следователь по особо важным делам Александр Иванович Пилипенко.

Я сел и выпрямил спину.

— Господин следователь, прежде чем вы начнете задавать вопросы, хочу прояснить свой статус. Почему со мной обращаются как с осужденным? Я подозреваемый, а меня бросили в одиночную камеру, лишили вещей...

— Оставьте этот тон, Громов. — Пилипенко открыл папку. — Вы больше не подозреваемый. Вы обвиняемый. Постановление вынесено мною сегодня утром на основании документов, поступивших из Министерства иностранных дел.

— Обвиняемый? В чем именно?

— В морском разбое. В вооруженном захвате военного судна дружественной державы. В убийстве французских подданных при исполнении. Наконец, в деяниях, едва не вовлекших Российскую империю в войну.

Слова прозвучали как приговор. Память Добрецова привычно разложила услышанное по полочкам. Меня не собирались расспрашивать. Мне показывали готовое обвинение и ждали, когда начну оправдываться. Я заставил себя сидеть спокойно.

— Захват «Метеора» был самообороной. Французы расстреливали Новую Москву из орудий. Если бы мы не взяли канонерку, нас всех вздернули бы на рее прямоком в море.

— Французов ваши объяснения не интересуют, Громов, — усмехнулся Пилипенко. — Для Парижа вы захватили военное судно и пленили его команду. Республика требует выдачи зачинщиков. В Петербурге идут переговоры. Знаете, что нужно столице, чтобы успокоить французов?

Он подался вперед, сцепив длинные пальцы.

— Им нужна ваша голова. И головы остальных ваших поделльников. Если вас признают виновным здесь, то Франции вас не выдадут. Но впереди Сахалин и лет двадцать каторги. Пожалуй, это лучший для вас исход.

— Я присяги не нарушал, — сказал я сквозь зубы. — И чести своей...

— О какой чести вы говорите? — Пилипенко откинулся на спинку стула и достал несколько исписанных листов. — Ваши мотивы на «Метеоре» мне понятны, но дальнейшие подвиги рисуют иную картину.

Он выдержал паузу и продолжил вкрадчиво:

— Следствию поступили любопытные показания из Владивостока. Арестованные матрос Сенцов и ветеринарный врач Градов оказались весьма разговорчивы. Оба утверждают, что вы были полноправным участником их шайки и за плату помогли убить ротмистра Резанова.

— Что за бред? Я сам скрутил Сенцова и сдал капитану Шестакову. Если мы были в сговоре, зачем мне это делать? Да и во время убийства я сидел в карцере.

— Обычная ссора поделльников. Не поделили добычу, не договорились. Всякое бывает. Сенцов и Градов утверждают, что вашей долей за молчание и соучастие должен был стать породистый строевой жеребец Беркут. Тот самый, с которым вы сошли на берег во Владивостоке.

— На коня есть дарственная, выписанная по всей форме купцом Иваном Сергеевичем Назаровым.

— Ах да, дарственная. — Пилипенко брезгливо подцепил лист двумя пальцами. — Бумага качественная, печати похожи на настоящие. Только мы проверили: ни во владивостокских, ни в хабаровских, ни в одесских гильдиях купца с таким именем нет. Документ подложный.

Вот тут я прокашлялся. Имя Назарова дал дядя Аркадий. Если следствие раскопало дарственную, копали не только под меня.

Пилипенко положил лист на стол.

— Как вы это объясните? Кто снабдил вас фальшивыми бумагами на краденого коня?

— Я не знал, что они подложные. Человек представился купцом и подарил Беркута за то, что я спас коня в шторм. Сенцов лжет, пытаясь выгородить себя.

— Ложь на лжи! — Пилипенко ударил ладонью по столу. — Сначала вы захватываете боевой корабль, затем оказываетесь замешаны в убийстве гвардейского офицера, а после обзаводитесь фальшивыми документами. Вы не герой, Громов. Вы опасный и расчетливый авантюрист. А еще успели втереться в доверие новому атаману и устроиться писарем при Глебе Маркеловиче Овсянникове.

Он резко встал, обошел стол и навис надо мной.

— Но и это не все. Меня интересует Аден. Горстка оборванных добровольцев без гроша в кармане внезапно получает оружие, припасы, проводников и уходит от французов. Кто-то щедро оплатил вашу вылазку. Знаете ли вы Семена Трофимовича Бирюкова?

Речь шла о Семе Рыжем.

— Не припоминаю, — солгал я без паузы.

Рыжий знал Исмаила, видел его в Адене и выполнял его поручения. Но настоящего имени дяди он, насколько мне было известно, не слышал.

— А он вас помнит прекрасно. — Ассессор едва заметно улыбнулся. — И оказался на редкость разговорчив. Из Екатеринодара по его делу пришли любопытные бумаги.

Пилипенко взял протокол и зачитал:

— «...и там же, в Адене, делами заправлял человек, которого называли Исмаил. Он тайно снабжал нас оружием, деньгами и давал указания...»

Следователь бросил лист на стол.

— Исмаил. Тот самый человек, который, как я полагаю, позднее снабдил вас фальшивой дарственной. Вы пешка, Громов, но вы выведете меня на крупную рыбу. Кто такой Исмаил? Каковы его настоящее имя и подданство?

Пилипенко связал воедино Сагалло, Аден, дядю Аркадия, «Кострому» и Беркута. Один неверный шаг, и я потяну за собой всех.

— Я не знаю никакого Исмаила. Ваш Бирюков, спасая свою шкуру, готов наплести сказок хоть про арабских джиннов. Сенцов мстит за то, что я его поймал и сдал капитану. Я состою в приговорительном разряде станицы Лончаково Уссурийского казачьего войска и готовлюсь к службе. Не шпион я и не убийца. Больше мне сказать нечего.

Лицо Пилипенко покраснело, показная утонченность слетела разом.

— Ты играешь с огнем, Громов! — заорал он. — Не понимаешь, где находишься? Твой атаман Овсянников остался в станице. Здесь за тобой никто не стоит. Дай мне имя Исмаила, признайся в сговоре на «Костроме», и я переквалифицирую дело. Пойдешь свидетелем и вернешься домой к своей невесте. Есть ведь уже такая?

Он схватил меня за ворот рубахи.

— А если нет, то пуцу в ход все, что имею. А тут много: пиратство, убийство офицера, шпионаж. Ты сгниешь на сахалинских рудниках, не дожив до двадцати пяти. Кто такой Исмаил?

Я снял его руку со своего ворота и посмотрел прямо в бешеные глаза.

— Записывайте в протокол что хотите, господин следователь. Я никого оговаривать не собираюсь.

Пилипенко резко повернулся к двери.

— Караул! В карцер его. В подвал, на хлеб и воду. Посмотрим, как запоет через неделю!

Тяжелая дверь распахнулась. Но вместо караульного на пороге появился Федюков, привезший меня из Лончаково.

— Отставить, Александр Иванович. Хватит с него, — произнес он будничным тоном.

Лицо Пилипенко мгновенно изменилось. Ярость исчезла, будто ее и не было. Он одернул мундир и ответил обычным голосом:

— Есть, отставить.

Я еще пытался осмыслить перемену, когда Федюков шагнул в кабинет. За его спиной показалась знакомая фигура.

Дядька. Аркадий Игнатьевич.

Сердце екнуло от радости и злости. Я, кажется, все понял, и прямо сейчас хотелось хорошенько приложить по шее всех, включая самого дядьку.

Но я взял себя в руки, выдохнул и начал подниматься ему навстречу. Аркадий тоже отступил в сторону, освобождая проход. Из полумрака коридора вошел еще один человек.

Я замер, наполовину привстав со стула.

Здесь я мог ожидать увидеть кого угодно, но только не его.

Я смотрел на знакомое лицо человека, которого в Хабаровке быть никак не могло.

Перевел взгляд на застывшего Пилипенко, невозмутимого Федюкова, спокойного дядю Аркадия и снова на вошедшего.

Теперь я окончательно перестал понимать, что, черт возьми, здесь происходит.

Глава 2. Пароль "Аден"

Я все-таки сорвался. Вскочил со стула, в два шага подлетел к вошедшему за дядей и с размаху впечатал кулак ему в скулу.

Тот отшатнулся, влетел спиной в дверной косяк и едва не сбил с ног стоявшего рядом Федюкова. Я рванулся следом, но Пилипенко перехватил меня за руку и дернул назад.

— Сдурел?! Стоять! — рявкнул дядька.

— Сука, Сема! Как же ты мог? Другом еще назывался! — выкрикнул я, пытаюсь вырваться.

Рыжие вихры, знакомый хитрый прищур. Передо мной стоял Семен Бирюков, Рыжий, мой товарищ по Сагалло, Адену и всем нашим приключениям на далеком Ближнем Востоке.

Семен сплюнул на пол кровь, потрогал наливающуюся синяком скулу и вдруг хохотнул.

— О-о, вот теперь узнаю Андрюху. Чуть челюсть не свернул. Это ты мне ту оплеуху в сарае Юсуфа все забыть не можешь?

— Все, Андрей, остынь! — Аркадий Игнатьевич встряхнул меня за плечи и отпустил.

— Проверка закончена и спектакль тоже.

Я замер, переводя ошалелый взгляд с улыбающегося Семена на невозмутимого дядю.

— Какая еще проверка?

Аркадий Игнатьевич не ответил. Повернулся к Пилипенко и Федюкову, наблюдавшим за разыгравшейся сценой.

— Александр Иванович, Василий Петрович, благодарю за службу. Вы свободны. Оставьте нас.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — козырнул Пилипенко.

Он первым вышел из кабинета. Федюков молча последовал за ним и прикрыл дверь.

Мы остались втроем. Семен шагнул ко мне, все еще потирая челюсть, и протянул руку.

— Ну что, здорово дневали, Андрюха!

— Слава Богу, Семен, — ответил я, пожимая его крепкую ладонь. — Я ничего не понимаю. Меня только что во всех смертных грехах обвинили, на каторге четвертак прочили. Я уж думал, все, приплыл.

Аркадий Игнатьевич отодвинул стул, на котором сидел Пилипенко, и устроился за столом.

— Присаживайтесь, братцы. Теперь все по порядку. Дознание по делу «Метеора» действительно было. Только прошло оно еще два месяца назад, когда французы снова подняли дипломатический шум.

— А мне ты почему ничего не сказал?

— Потому что делу ходу не дали, Андрей. Неужто ты и вправду думаешь, что Россия позволила бы судить казаков за защиту Новой Москвы? Министр иностранных дел Гирс потребовал разобраться во всем досконально. Разобрались без вашего участия, в высоких кабинетах, и там наши люди вас отстояли.

— А арест в Лончаково? Конвой? Опись моих трофеев?

— Теперь это часть твоей легенды. — Аркадий Игнатьевич чуть улыбнулся. — На такую службу официальной повесткой не вызывают, поэтому настоящее предписание пришлось немного подправить. Новых людей у нас проверяют делом. Со мной в свое время обошлись еще круче.

Он откинулся на спинку стула.

— Как видишь, все сработало. Через месяц вернешься в Лончаково полностью оправданным. Для всех история закончится именно так.

— Вы меня берете на службу?

Дядя подался вперед, и взгляд его стал предельно серьезным.

— А ты забыл наш разговор перед выходом во Владивосток?

— Нет, Аркадий Игнатьевич. Но все слишком неожиданно.

— Привыкай. В нашем деле иначе не бывает. Шлыкова помнишь?

Я кивнул.

— Наверху решили усилить наше направление. Потребуется подготовленные группы вроде той, которой он командует, для дел, которые открыто вести нельзя.

Он понизил голос:

— Нужна разведка по всему Приамурью и дальше. В Петербурге вопрос о строительстве Великого Сибирского пути решен. Новая дорога свяжет Россию с Тихим океаном, а это крепко заденет чужие интересы. Банда метких стрелков, за которой мы охотились больше двух месяцев, только начало. По нашим сведениям, на китайском берегу англичане снабжают оружием и сколачивают хунхузские шайки для нападений на изыскателей и приграничные селения. Японцы тоже проявляют к Приморью нездоровый интерес. Тайная съемка местности была лишь первым шагом их лазутчиков. И без Лондона там, похоже, не обошлось.

Дядя ненадолго замолчал.

— Поэтому и создаются особые разведывательные команды. Вы с Семеном среди кандидатов. Но сам понимаешь, в наше ведомство с улицы не берут. Мне, а главное моему начальству требовалось убедиться, что тебя не так просто сломать и своих ты за понюшку табаку не продашь. Такие испытания проходят далеко не все.

Он одобритительно кивнул.

— Ты справился, племянник. Не дрогнул, никого не оговорил. Как, впрочем, и друг твой Семен.

Я откинулся на спинку стула. Напряжение наконец стало отпускать.

— Значит, я не подозреваемый? И меня ни в чем не обвиняют?

— Совершенно верно. Перед законом Российской империи ты чист.

Я провел ладонью по лицу и повернулся к Бирюкову.

— Семен, ты уж извини. Пилипенко так все обставил, что я поверил. Решил, тебя на допросах все-таки сломали. Злой был, дурной, голова совсем не варила.

Рыжий хмыкнул.

— А я говорил вам, Аркадий Игнатьевич, что Андрею эта история не понравится.

Дядя усмехнулся, но промолчал.

— Добре, с этим разобрались. Но ты-то, Семен, откуда здесь взялся?

— Я же, Андрей, как на Кубань прибыл...

— Все, братцы, — перебил дядька. — В дороге наговоритесь. Времени у нас в обрез.

Он поднялся из-за стола.

— Сейчас вас обоих выведут через задний двор гауптвахты под конвоем, как настоящих арестантов. Погрузят на катер и отправят вниз по Амуру, немного ниже Хабаровки. Там устроен учебный лагерь. С него и начнется ваша подготовка. Поверьте, разговор с Пилипенко скоро покажется легкой разминкой.

Через несколько минут дверь снова открылась. На пороге появился Василий Петрович Федюков, а за его спиной стояли двое конвойных.

— Пора. Прошу следовать за мной.

Во дворе гауптвахты ждали четверо солдат с винтовками. Они взяли нас в коробку и повели через задние ворота. Со стороны все и впрямь выглядело как конвоирование арестантов.

На пристани стоял небольшой паровой катер.

— Поднимайтесь на борт, — скомандовал Федюков.

Конвоиры остались на берегу. Мы с Семеном поднялись по сходням и сразу спустились в небольшую кормовую каюту. В ней стояли две узкие койки и столик, прикрученный к полу.

Катер дал гудок, отошел от пристани и набрал ход.

— Ну вот, Андрюха, — произнес Рыжий, вытягивая ноги на койке. — Снова мы с тобой в тесной каюте.

— Хотя не связаны. И радуйся, что на этот раз это не кубрик «Метеора».

Дверь отворилась, и вошел Федюков. В руках он держал два одинаковых свертка и пару длинных ножей в черных кожаных ножнах. Положив все на стол, Василий Петрович окинул нас взглядом.

— С этой минуты вы состоите в особой учебной команде. На время подготовки забудьте свои имена, звания и родство. Обращаться друг к другу будете только так, — перевел он взгляд на Семена, — Бирюков будет Рыжий, а Громов — Абиссинец.

Семен покосился в мою сторону и хмыкнул.

— Хотя тут ничего нового выдумывать не стали.

Федюков развязал один сверток. Внутри лежали черная рубаша и такие же шаровары. Второй оказался точно таким же.

— Переоденетесь немедленно. Свою справу сложите и оставьте здесь. Получите после окончания обучения. Ножи тоже ваши.

Я взял ближайший. Вместе с рукоятью он был длиной почти в локоть. Никаких украшений, зато в ладони лежал удобно. Добротная вещь, сделанная на совесть.

Семен вытянул второй нож, проверил хват и вернул в ножны.

— А винтовки?

— Остальное оружие выдадут в лагере, если сочтут нужным. До места высадки около часа. Дальнейшие указания получите там.

Рыжий вздохнул и с надеждой посмотрел на чиновника.

— Василий Петрович, а поснедать тут ничего не найдется? С утра маковой росинки во рту не было.

— Тут вам не харчевня. В лагере накормят. Переодевайтесь.

Он развернулся и вышел.

— Давай, Рыжий, переодевайся, — сказал я, стягивая чекмень.

— Гляди-ка, уже без имени кличешь, хотя я и так привычный, — усмехнулся Семен, разворачивая рубашу. — А сукно и вправду доброе.

Через несколько минут мы сидели в одинаковой черной одежде. Справу сложили на освободившейся койке, ножи повесили на пояса.

Я оглядел Рыжего и усмехнулся:

— Вылитый разбойник.

— На себя погляди. Абиссинец, одно слово.

Катер слегка качнуло на волне. За переборкой шумела машина, в иллюминаторе проплывал высокий берег Амура, поросший тайгой.

Я устроился напротив Рыжего.

— Рассказывай. Как ты здесь оказался?

Семен откинулся к стене, решая, с чего начать.

— Помнишь, как вы с Исмаилом в Адене остались, а мы погрузились на «Москву»?

— Такое забудешь.

— За две седмицы тогда до Одессы дошли. Думали, дорога спокойная будет, но куда там. Домбровский, паскуда этакая, снова бежать пытался.

— С парохода?

— Ага. При заходе в Порт-Саид решил с матросской сменой на берег соскочить. Не ведаю, кого успел купить, только путы с него сняли. Я заметил вовремя. Схватил за шиворот да приложил носом о переборку.

Рыжий зло усмехнулся.

— Я тогда Чугунову предлагал ночью за борт его сбросить. Чужало сердце, что эта гнида опять вывернется. А поплавал бы в море, и дело с концом. Только Федор Николаевич не позволил. Сказал, чести в том нет, да и для допроса Домбровский нужен.

— И что с ним дальше было?

— В Одессе сдали вместе с бумагами кому велено. Думаю, этот пшек давно на каторге кайлом машет.

— Не угадал, Рыжий.

Улыбка сошла с его лица.

— В смысле?

— Домбровского и вправду отправили на каторгу, на золотые прииски неподалеку от моей станицы. Только недавно он сбежал. История долгая, после расскажу. Закончилось тем, что я в него выстрелил. Он рухнул на дно лодки, а течение уволокло ее к китайскому берегу. Теперь не ведаю, жив или рыб кормит.

— Вот же паскуда... — тяжело выдохнул Семен. — Живой, зуб даю. Я эту крысиную породу знаю: такие просто так недохнут. Пока сам могилу не увижу, не поверю. Видать, незря меня сюда занесло.

Он повернул шею до хруста и несколько мгновений смотрел в иллюминатор. Потом потрянул головой.

— Домбровского и бумаги мы в Одессе сдали. После этого нас самих начали таскать на допросы. Про Новую Москву спрашивали, про французов, про тебя с Исмаилом. Кто стрелял, кто приказы отдавал. Одно и то же по десять раз, только заходили с разных сторон. Я уж думал, не выберемся.

— Долго держали?

— Порядком. Вроде и не под арестом, но уехать не давали. Хорошо, Федор Николаевич рядом был. Он этих дознатчиков малость уgomонил.

— А Анциферович?

— Как и говорил, из Одессы доктор отправился в Петербург. Больше о нем ничего не слыхал.

— Сам Чугунов где?

— У себя, в Пластуновской. После возвращения на Кубань я с ним так и не увиделся. Сам восстановился на службе, думал остепениться, жениться. А потом клич кинули: набирают охочих казаков на Дальний Восток. Земли много дают, подъемные обещают. Меня на Кубани особо ничего не держало, вот и записался.

— Один?

— Нет. Еще пара десятков набралась. Опять добрались до Одессы, а потом муторная дорога во Владивосток. Уже здесь, месяца два назад, Исмаил меня и нашел.

— Как интересно?

— Так списки новоприбывших просматривал. Увидел фамилию и явился. Я сперва глазам не поверил, а он все такой же спокойный, будто мы вчера расстались. Сказал, что ты жив, здоров и до крестного добрался. Больше ничего не поведал. Сколько ни допытывался, только улыбался. Потом отправил меня в Хабаровку. Сказал, здесь люди нужны.

— А про эту службу?

— Ни слова. Я даже не знал, в какой станице ты осел. Думал, до Хабаровки доберусь, там разузнаю. Только вчера Исмаил снова объявился, объяснил, зачем меня сюда направил, и спросил, согласен ли войти в особую команду.

— И ты сразу согласился?

— А чего отказываться? Тем более он сказал, что служить стану с тобой. После обучения поселят в твоей станице. Для всех я буду обычным казаком-переселенцем: курень поставлю, семью заведу. А настоящая служба останется в тайне.

Он довольно усмехнулся.

— Мне такое дело по нраву. Ты же меня знаешь!

— Знаю. Вот не сидится тебе на месте, Рыжий.

— Угу, чья бы корова мычала!

Мы рассмеялись.

Катер качнуло сильнее. Где-то наверху прокричал матрос, ему ответили с носа. Машина застучала реже, дрожь под ногами ослабла.

— Пришли, что ли? — Прислушался Семен.

Я поднялся и посмотрел в иллюминатор. За мутным стеклом почти ничего нельзя было разобрать. Над водой стелились серые сумерки, высокий берег сливался в сплошную темную стену.

— Похоже на то.

Вскоре машина умолкла окончательно. Катер по инерции прошел еще немного, и нос мягко уперся в берег. Загрохотали сапоги, заскрипели снасти. Дверь каюты распахнулась, на пороге появился Федюков.

— Переоделись. Это хорошо. С собой только выданные ножи. Справу оставьте здесь, она не пропадет.

Мы поднялись на палубу.

Пристани не было. Катер ткнулся носом в узкую песчаную отмель у подножия высокого берега. Дальше сразу начиналась тайга. Ни тропы, ни заметного прохода меж деревьями я не разглядел.

Матросы перекинули сходни. Федюков сошел первым, следом спустились мы с Рыжим.

В обе стороны тянулся заросший кустарником берег. Ни жилья, ни огней, ни дороги. Только Амур за спиной и глухая тайга впереди.

Василий Петрович достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и протянул мне.

— Здесь обозначен учебный лагерь. Добраться до него должны самостоятельно. Это ваше первое задание.

Я развернул карту. На ней были нанесены изгиб берега, несколько ручьев, высоты и небольшой крест в глубине тайги. Никакой дороги к нему, разумеется, не имелось.

— На подходе к лагерю будет секрет. Пароль для прохода: «Аден». Он действует до шести часов утра, после его сменят.

— Погодите, — вмешался Рыжий. — Мы сейчас сами должны ночью искать лагерь в тайге?

— Верно.

— Без проводника?

— Без проводника.

— И без оружия?

— У вас есть ножи.

Семен посмотрел на лес, потом на меня и снова на Федюкова.

— До лагеря далеко?

— Это вам надлежит определить по карте.

— А если не найдем или до шести не успеем?

— Первое задание будет провалено, и значит к дальнейшей службе вы не годитесь.

— А коли выйдем на секрет после смены пароля? Стрелять станут?

Федюков невозмутимо поправил очки.

— Значит, следует прийти вовремя.

— Хорошенькое начало, — пробормотал Рыжий.

Василий Петрович повернулся к катеру.

— Поднять сходни!

— Василий Петрович! — окликнул его Семен. — Который теперь час?

— Без четверти девять, — ответил Федюков уже с борта.

Машина снова застучала. Катер медленно попятился от берега, развернулся на течении и стал набирать ход. Через несколько минут его темный силуэт растворился в сумерках.

Мы остались вдвоем.

Рыжий посмотрел вслед ушедшему катеру.

— Ну что, Абиссинец, служба и вправду настоящая.

Я опустил карту на колени и попытался рассмотреть отметки в последних отблесках уходящего дня.

— Все как ты любишь.

— Да хоть бы покормили, ироды. Перед таким делом пожрать не помешало бы.

— Сначала разберемся, куда идти.

Место высадки пришлось привязывать к карте самому. Судя по изгибу берега, нас оставили возле длинной излучины Амура, верстах в семи от креста. Сначала предстояло пройти вдоль реки на восток, пересечь ручей у самого устья, затем повернуть на северо-восток. Дальше путь преграждали второй ручей и вытянутая сопка, которую следовало обогнуть с запада.

— До рассвета управимся? — спросил Рыжий.

— Если не собьемся. Пошли уже.

Над тайгой проступили первые звезды. Я нашел Полярную, определил север и сложил карту. Пока предстояло двигаться вдоль берега. Через полверсты должен был попасться распадок с ручьем. От него и свернем в тайгу.

— Может, раньше повернем? — спросил Семен.

— Можно. Только потом до утра будем искать, откуда начали путь.

Отмель вскоре закончилась. Пришлось пробираться сквозь тальник, обходить поваленные деревья и продираться между кочками высокой осоки.

Наконец впереди послышалось журчание. Это из тайги вытекал узкий ручей.

— Первый есть, — сказал я.

— А мне показалось, версты три отмахали.

Мы перешли ручей по камням у самого устья. Я сверился с картой. Все совпадало: каменная коса и невысокий обрыв выше по течению.

— Теперь на северо-восток. До второго ручья около двух верст.

Под кронами сразу стало темнее. Звезды почти исчезли, направление приходилось держать по редким просветам между деревьями. Я выбирал впереди приметный ствол, доходил до него, находил следующий и так вел нас в глубь тайги.

Через полчаса Рыжий начал тяжело сопеть.

— Далеко еще?

— С полверсты.

— А пожрать тут ничего нельзя? Уже мочи нет.

— Вон лимонник. Ягоды еще зеленые, но лист или стебель пожевать можно.

Семен сорвал лист, сунул в рот и скривился.

— Кислятина-то какая. И во рту вяжет.

— Зато взбодрит.

Чуть дальше попался дикий орешник. Зверье обобрало нижние ветки, но наверху еще оставались зеленые орехи. Мы набрали по пригоршне и пожевали молочные ядра.

— Вот это другое дело, — одобрил Рыжий. — Ежели в лагере кормить не станут, вернемся сюда.

Второй ручей оказался широким, но мелким. Мы перешли его по камням и снова сверились с картой. Дальше предстояло подняться между двумя высотами, обогнуть западный склон вытянутой сопки и спуститься в распадок. Там и стоял крест.

— Больше половины прошли, — сказал я.

— А времени сколько?

Часов у нас не было. Оставалось судить только по звездам.

— Около полуночи.

— Такими темпами как раз к смене пароля придем.

— Дальше лес должен быть чище, попробуем ускориться.

За ручьем началась заросшая осокой низина. Под травой блестела вода, выступали поросшие мхом кочки. Мы попытались обойти топь, но сухая полоса вскоре закончилась. Пришлось выломать по длинной следе и пробираться от кочки к кочке, проверяя дно перед собой.

До сухого места оставалось не больше сотни шагов, когда за спиной раздались хлопанье и вскрик.

Я обернулся. Рыжий провалился между кочками по пояс и, пытаясь выбраться, уходил глубже.

— Не дергайся!

— А я, по-твоему, купаться собрался?!

Я лег животом на широкую кочку и протянул ему слегу.

— Цепляйся. Ногами не молоти, грудью ложись на кочку и ползи ко мне.

— Легко тебе говорить!

— Делай, Рыжий! Времени мало!

Он перестал барахтаться и подтянулся. Я перехватил его за запястье и выволок на твердую землю.

Несколько мгновений Семен лежал, тяжело дыша. Потом сел и осмотрел перепачканную одежду. Вода стекала с шаровар, от него несло болотом.

— Хороша справа. Только выдали, уже стирать надо.

— Цел?

— Кажись, да. Даже сапоги не потерял.

Мы обогнули топь и поднялись по склону. Над головой снова показались звезды. Я нашел Полярную и проверил направление. Обход увел нас к востоку, пришлось забирать левее, возвращаясь на прежний курс.

На небольшом холме ветер донес резкий звериный дух. Я остановился и поднял руку.

— Что? — шепотом спросил Рыжий.

Впереди затрещали ветви, послышалось тяжелое сопение. В темноте мелькнула широкая спина.

— Секач.

Семен вытащил нож.

— Убери. Только разозлишь.

Зверь фыркнул совсем близко. Мы замерли. Через несколько долгих мгновений кусты качнулись, и кабан с треском ушел вниз по склону.

Рыжий убрал нож.

— Жаль. Сейчас бы мяском разжились.

— Тут тебе не кубанская степь. На секача с ножом не ходят.

— Есть хочется, Абиссинец.

— Пошли уже.

Вскоре справа показалась вытянутая сопка. Сверяясь с картой, мы обогнули ее по западному склону и вышли на седловину между нею и соседней высотой. Отсюда начинался распадок с третьим ручьем. Крест находился примерно в полуверсте ниже по течению.

Дальше мы почти бежали. Первой показалась старая лиственница, расщепленная молнией. На карте она была отмечена раздвоенным значком. Затем нашлись три валуна у ручья, а за ними распадок расширился в ровную поляну.

— Пришли, похоже, — выдохнул я.

Рыжий остановился рядом.

— И где лагерь?

Поляна была пуста. Ни строений, ни палаток, ни костров. Даже дымом не тянуло.

Мы обошли ее по кругу. Я проверил опушку, заглянул за валуны, поднялся выше по склону. Ничего. Ни следов людей, ни рубленых ветвей, ни утоптанной земли.

— Может, лагерь замаскирован? — предположил Рыжий.

— Целый лагерь так не спрячешь.

— Значит, пришли не туда.

Я развернул карту. Совпадало все: расщепленная лиственница, валуны, ручей, очертания склонов. Крест приходился точно на середину поляны.

— Туда.

— Тогда нас обманули.

Я напился из ручья. По моим прикидкам, до шести оставалось около трех часов.

— Может, Федюков не ту карту дал?

— Такие люди случайно картами не ошибаются. Значит, сделал это намеренно.

Я положил лист на плоский валун и принялся изучать заново. Русло Амура, ручьи, высоты, несколько примет и крест. Даже стрелки, указывающей север, не было.

Возле креста обнаружилась крохотная дырочка. Сперва я принял ее за случайный прокол, но затем заметил похожее отверстие у нижнего края листа.

— Погоди-ка...

Я сложил карту по старым сгибам. Отверстия сошлись.

— Чего там? — Семен наклонился ко мне.

Я поднял сложенный лист к светлеющему небу. Сквозь четыре слоя бумаги проходил один тонкий прокол. Карту проткнули иглой уже сложенной, а потом одну из дырочек обвели крестом.

Развернув лист, я отыскал остальные отверстия. Всего их было четыре, по одному в каждой четверти карты.

— Крест ложный.

— А дырки?

— Одна пришлась на Амур. Там лагерь не поставишь. Вторая — на топь, где ты искупался. Третья — на эту поляну.

— А четвертая?

Последний прокол находился к северо-западу от нас, за округлой сопкой. Там карта показывала другую седловину и небольшой ключ.

— Вот там, похоже, и лагерь.

Рыжий нахмурился.

— Почему?

— Здесь низина. Весной ее затопит, а с обоих склонов поляна простреливается насквозь. Для тайного лагеря место никудышное. У четвертого прокола сухая седловина, рядом ключ и два пути отхода по распадкам. Другого подходящего места на карте нет.

— Далеко?

Я прикинул расстояние.

— Около четырех верст.

— Успеваем?

— Должны, если поторопимся.

Теперь было не до осторожности. Мы рванули вперед, спустились в заросший папоротником овраг, перешли мелкий ручей и снова полезли вверх.

Небо на востоке начало сереть.

— Рассвет? — спросил Семен.

— Похоже.

Распадок постепенно сузился. Впереди темнели два сходящихся склона, между которыми лежала обозначенная на карте седловина. Справа журчал ключ.

— Должно быть здесь, — сказал я.

— Тихо больно.

— Для тайного лагеря в самый раз.

Мы начали последний подъем. До гребня оставалось несколько десятков шагов, когда впереди щелкнул оружейный затвор.

Мы замерли.

— Стой! Кто идет? — раздался голос из темноты.

— Свои! Аден! — крикнул я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.